

АЛЕКСАНДР
ВОЛКОВ

ЛЕВ РОХЛИН

ИСТОРИЯ ОДНОГО УБИЙСТВА

Александр Анатольевич Волков
Лев Рохлин. История
одного убийства
Серия «Власть в
тротиловом эквиваленте»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5011664

Александр Волков. Лев Рохлин. История одного убийства: Алгоритм;

Москва; 2012

ISBN 978-5-4438-0083-7

Аннотация

В июле 2012 г. исполнилась очередная годовщина со дня убийства генерала Л.Я. Рохлина. Вместе с В.И. Илюхиным он создал Движение в поддержку армии и оборонного комплекса; весной 1998 года Рохлин вначале организовал военный заговор с целью свержения Ельцина, а потом пытался поднять в стране массовое протестное движение. Вскоре после этого Лев Рохлин был убит; в убийстве сразу же обвинили его жену, но обстоятельства этого дела до сих пор вызывают удивление. Автор этой книги Александр Волков в течение многих лет работал помощником у Л.Я. Рохлина, а затем у В.И. Илюхина. Он был свидетелем последних дней Льва Рохлина и сохранил многие материалы, касающиеся его деятельности. В книге А. Волкова

последовательно разбираются обстоятельства убийства генерала
Рохлина и приводятся неизвестные ранее факты и документы.

Содержание

К читателям	5
Мой генерал	9
Арал – страна изгоев	20
Карьерист	28
Наука воевать	34
Дембельский аккорд	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Волков

Лев Рохлин

История одного убийства

К читателям

О Льве Рохлине сказано и написано много, но на страницах газет, в радиоэфире, телевизионных передачах и в Интернете продолжают появляться материалы как о самом генерале, так и о критических по своей напряженности событиях далекого 1998 года. Неподдельный интерес к герою чеченской войны, депутату и крупному политическому деятелю со временем не угасает, а ореол тайны вокруг его имени, его планов и поступков не рассеивается. И, как всегда это бывает, появляются так называемые свидетели, очевидцы тех событий с «эксклюзивными» и захватывающими по своей неправдоподобности рассказами. Мне и другим соратникам Рохлина по созданному им общественному военному формированию – Движению «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» (ДПА) странно и больно читать о нашем лидере всяческие небылицы, явно преследующие цель демонизировать образ мятежного генерала. Мы-то хорошо знаем, что нет смысла приписывать ему

лишнее, делать его «более» патриотом, чем он был на самом деле. И без того его слова, его поступки не дают нам возможности усомниться в решительности намерений и чистоте замыслов Рохлина.

Как полководца его украшает совершенно очевидный и никем не оспариваемый факт взятия в Грозном дворца Дудаева. В отличие от некоторых командиров соответствующего уровня он никогда не выполнял поставленные задачи ценою жизни собственных подчиненных. А в критических ситуациях порой и вовсе поступал не по чину – поднимался в полный рост и вел за собой растерявших боевой дух молодых солдат и офицеров. Для паркетного генералитета, бросившегося, как только запахло порохом чеченской кампании, писать рапорты об увольнении, и для отсиживающихся на безопасном расстоянии штабистов, требующих брать укрепрайоны боевиков любой ценой, личность Льва Рохлина продолжает оставаться неудобной, явно принижающей их служебные «заслуги». Не потому ли порой слышен приглушенный шепот безликих авторов, где генералу ставят в вину и «пушечное мясо», и коррупцию в армии, и бизнес на оружии.

Как депутата Рохлина помнят еще и потому, что он единственный председатель Комитета Государственной думы по обороне, который реально, а не на словах боролся против развала Вооруженных Сил и решительно выступал за укрепление социальной защиты военнослужащих и ветеранов. Он говорил во всеуслышание то, что другие офицеры и генера-

лы с оглядкой обсуждали в тесном кругу единомышленников. Неискушенный в придворном политесе, вчерашний командир корпуса на всю страну называл вещи своими именами. Казнокрады в его докладах теряли привычную обезличенность и приобретали конкретные должности и фамилии. Завуалированную под международное сотрудничество поставку вооружения одной из сторон военного конфликта, вспыхнувшего среди бывших членов развалившегося Союза, он расценил как государственное преступление. Пальцем указал на виновных в массовой гибели военнослужащих в чеченской войне. Раскрыл международный заговор мафиозных чиновников, уничтожающих российский ядерный потенциал. Находясь в партии власти «Наш дом – Россия», обвинил президента Б. Ельцина в целенаправленном разрушении армии и флота. Депутат Рохлин нажил массу врагов, находившихся под защитой Кремлевских стен, обретя славу бесстрашного политика.

И, конечно же, генерал был незаурядным общественным деятелем. Его имя страна узнала, стоило ему за минимально короткий срок создать организацию военных, в которую тут же хлынули десятки тысяч угнетенных и обездоленных людей из совершенно разных социальных слоев населения. До предела обнищавшие ветераны, пенсионеры, шахтеры, учителя, вышвырнутые с предприятий рабочие «оборонки», ученые, разорившиеся предприниматели, задыхающиеся от мародерства власти бизнесмены, потерявшие силу профсо-

юзы, активные члены бездействующих партий – все увидели в Рохлине национального лидера. Минина и Пожарского в одном лице. «Своего» Фиделя Кастро. Русского Пиночета, готового твердой рукой навести в стране порядок. Смести с шахматной доски истории до смерти надоевшие фигуры семибанкирщины, водящие хоровод вокруг разрушающего страну Ельцина. Рохлин поднял волну народного протеста на такую высоту, что Кремль реально почувствовал близкий конец «царя Бориса». Государственная мафия ощерилась, призвав на помощь те силы, что всегда имеет при себе аморальный и безнравственный режим, ибо Власть для него – это и цель, и средство, и условие существования.

История, как известно, не терпит сослагательного наклонения. Что бы было, если бы... Но пуля в висок... Там, где никто не ждал... И нет ответа на вопрос. И все же даже сейчас, а может быть, особенно сейчас думающие люди пытаются понять, а что действительно было бы, если бы национальный лидер остался тогда жить? Что вообще он замышлял? Как собирался вернуть страну с ее богатствами истинному ее хозяину – народу? Почему он, «слуга царю, отец солдату», добившийся высоких должностей, подразумевающих верно-подданичество, вместо благодарности своим покровителям выказал им вместе с ненавистью свое нежелание представлять их интересы в парламенте страны? И вообще, каким он был, этот мятежный генерал?

Мой генерал

Да пусть простит читатель мою дерзость за название этой главы. Ведь каждый из тех, кто когда-то служил с Рохлиным, или работал в Комитете Госдумы по обороне в бытность пребывания генерала в должности председателя, или был членом созданного Львом Яковлевичем Движения в поддержку армии, с полным основанием тоже может сказать: «Мой генерал». Почему? Да потому, что, приобщаясь к делам этого незаурядного человека, соприкасаясь с ним, мы непроизвольно заряжались его душевной энергией, которая еще долго работала в каждом из нас наподобие ядерного реактора. Впрочем, сотни тысяч простых людей, разделявших с Рохлиным его взгляды на происходящее в стране и вместе с ним, а точнее, за ним готовых идти против режима Ельцина, тоже могут сказать, как и я: «Мой генерал».

Мне повезло. Именно повезло, потому что на моем месте мог оказаться другой. Такой же, к примеру, военный журналист, как я, уже успевший за время службы многое повидать, пройти через перестроечные нищету и безысходность и неожиданно оказаться рядом с человеком, которого обожали одни и люто ненавидели другие. Мне довелось со временем уже с очень немногими людьми разделить его относительное доверие, которое само по себе в обстановке жесточайшего противостояния с безнравственной властью дорогого стои-

ло. Оно возвышало нас. Приобщало к важному делу, заставляло работать без сна и отдыха, забыв о семье и о собственной безопасности.

Поручив мне работу с журналистами, Рохлин требовал с меня, как с укомплектованной по полному штату пресс-службы. Человек жесткий и властный, в экстремальных ситуациях он мог у окружающих мобилизовать скрытые резервы способностей и таланта, о которых мы порой сами не догадывались. Я колесил с ним по стране, проводил пресс-конференции, участвовал в совещаниях, писал сценарии и снимал документальные фильмы. Готовил листовки, расшифровывал интервью, множил прокламации и сотнями рассылал в средства массовой информации, в агентства и воинские части. Под выступление председателя Комитета в Государственной думе подводил информационную основу – им выбиралась тема, которую одновременно поднимали до десятка крупных изданий, а потом он делал доклад, поручая правительству принимать экстренные меры. Мы выпускали газету, информационные листки, тесно сотрудничали с телевизионными студиями многих регионов.

Сейчас мне трудно поверить, что я успешно справлялся с такой массой разнообразных дел, но, думается, что именно генерал со своей неуемной энергией помогал мне в этом. Каждое утро часов в шесть в моей квартире раздавался его телефонный звонок, и мне поступала, говоря по-военному, новая вводная. По дороге на работу я вырабатывал опреде-

ленное решение, чтобы уже входя в кабинет и садясь к телефону, приступить к его воплощению. Часам к десяти уже можно было докладывать о ходе работы и примерных временных ориентирах исполнения задачи. Лев Яковлевич молча выслушивал, обволакивал странной улыбкой, похожей на ухмылку царя зверей перед трапезой, и с миром отпускал, зная, что человек не присядет, пока не сделает все до конца. Генерала обмануть в его надеждах было нельзя. Ни у кого на это просто не хватало духу.

Специально говорю о плотности наших с ним отношений только для того, чтобы читатель понял – я неплохо узнал Рохлина в очень трудное для него время, много раз имел с генералом продолжительные и доверительные беседы, а дважды был поощрен устной благодарностью, что приравнивалось к ордену или присвоению внеочередного воинского звания. И все же я был бы слишком самоуверен, если бы заявил, что знаю генерала, могу судить о его планах с полной уверенностью, готов поклясться, что он хотел поступить так или иначе. Я скажу больше – его, наверное, не знал никто. Военный тактик и стратег, генерал, пройдя несколько войн, закончив училище и две академии, неоднократно раненный и награжденный, являясь постоянным объектом охоты чеченских боевиков и пристального наблюдения полицейской охраны, как старый лис, мог всех ввести в заблуждение и искусно сработанные «дэзы» использовать в интересах своего дела. Он под носом у власти за считанные недели создал

мощнейшую общественную организацию военных и вовлек в ее работу крупнейших политиков и финансистов, людей из близкого окружения Ельцина и даже его коррумпированной «семьи».

Информированность генерала о тайнах Кремля, откуда время от времени долетали в его сторону грозные окрики, позволяла Рохлину умело манипулировать в стране многими процессами, планировать свои действия на опережение, открывать населению глаза на вершащиеся чиновничеством преступления. Точно так же и власть, внедрив в нашу организацию провокаторов и соглядатаев, окружив ДПА филерами, опутав «жучками» для прослушки, чутко отслеживала положение дел соратников генерала. Летом 1998 года накал противостояния достиг максимума, и наэлектризованное общество созрело к самым решительным действиям. Скажу больше – 1998 год, когда готовилось выступление народа под руководством Льва Рохлина, и последующий, 1999-й, в котором проводился импичмент «царя Бориса», инициированный именно генералом, наверное, были для России того времени самыми судьбоносными, способными изменить историю государства. Для этого нам не хватило самой малости.

Я намеренно все события спрессовал в нескольких строчках, давая понять, что генерал смог за очень короткий срок взвести социальную пружину ударного механизма прогрессивной военной и народно-патриотической общественности. У кого-то на такую работу уходят десятилетия, не прино-

сящие никакого результата. Здесь же временной рубеж от штиля до кануна революционного цунами – ровно год. Это можно посчитать достаточно точно. Время отсчета пошло с 20 июня 1997 года, когда вышло в свет Обращение генерала Л. Рохлина «К Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами Российской Федерации и военнослужащим России».

Мне в руки экземпляр уже нашумевшего в армии выступления генерала попало 9 июля, в день моего рождения, в виде подарка от коллеги, журналиста и военного моряка Андрея Антипова, который уже перебрался из нашего журнала, некогда называвшегося «Советский воин», в Комитет Госдумы по обороне. На этом традиционное офицерское застолье пошло по другому руслу, превратившись в публичное прочтение Обращения Рохлина. Документ вызвал бурю коллективных эмоций. Состояние у всех было такое, какое, наверное, испытали наши родители, слушая в июле 1941-го сталинское «Братья и сестры...».

В Обращении «К Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами Российской Федерации и военнослужащим России» председатель Комитета Госдумы по обороне, третий человек в списках избирательного блока от власти, неожиданно дерзко спрашивал у действующего президента о предстоящем необоснованном обвальном сокращении численности армии. Он пытал его, чем тот руководствовался в своих решениях, и тут же обвинял Верховного Глав-

нокомандующего в некомпетентности и безразличии к судьбе страны и ее Вооруженных Сил. В таком случае, задавал вопрос генерал, имеете ли вы право, господин Верховный Главнокомандующий, со своим опытом в военной области, ничего не сделав за последние шесть лет для военной безопасности страны, принимать единоличные решения за весь российский народ, пренебрегая усилиями и лишениями его старшего поколения?

«Вы обрекли Вооруженные Силы на окончательное разрушение... В чем же дело? Может быть, для России нет уже никакой потенциальной угрозы извне? Однако факты говорят о другом.

Не церемонясь с Россией, страны НАТО приняли решение на движение блока к нашим границам. Западом осуществляется прямой диктат в вопросах военно-политического устройства Европы, пренебрегаются интересы России. На Дальнем Востоке, стиснутый своей территорией, огромными темпами развивается полуторамиллиардный великий Китай. Он буквально задыхается в ограниченном территориальном пространстве... При вашей политике и отношении к обороне страны Россия может лишиться Дальнего Востока и Сибири вплоть до Урала».

Мы читали эти строки, осознавая, что они всколыхнут военную общественность. Понимали и то, что возмущению военных Ельцин должен будет что-то противопоставить. И тут же в следующих строках мы находили подтверждение своим

догадкам: «Можно было бы согласиться с сокращением Вооруженных Сил, если бы совместно с ними сокращались и другие силовые структуры. Но они не только не сокращаются, а растут. Они уже ни в чем не уступают Вооруженным Силам, а при сокращении армии будут значительно превосходить ее по численности. Россия превращается в полицейское государство. Режиму не нужна армия, так как она голодна, недовольна и неугодна Западу. Режиму нужны полицейские войска, которые подкармливаются в надежде на их поддержку при возможном выяснении отношений с недовольным народом».

Очередная пощечина – Чечня. Генерал обвинил президента в прямом нарушении Конституции Российской Федерации, в несоблюдении целого ряда законов – «Об обороне», «О статусе военнослужащих», «О ветеранах». И главное, Рохлин прямо заявил, что Ельцин несет персональную ответственность за развязанную войну на Кавказе.

«Это произошло в то время, когда вы своим руководством довели армию до предела, а, приняв решение на применение войск, в последующем сдали армию. Это произошло тогда, когда в полках осталось по 5 – 10 солдат, а офицеры вместо солдат несли караульную службу и выполняли хозяйственные работы. В то время это казалось недопустимым и невозможным. Но последующая жизнь перекрыла любые представления. Когда прекратили выплачивать денежное довольствие военнослужащим, они вынуждены были по ночам

охранять коммерческие ларьки и проституток, чтобы заработать на кусок хлеба, а те, кто не сумел приспособиться к новой жизни, — стреляться, не имея возможности прокормить семью.

Скоропалительность и необдуманность принятого решения не позволили армии перед началом войны в Чечне провести соответствующую подготовку. И это в условиях, когда в войсках вынужденно давно отсутствовала плановая боевая подготовка. Против наемников и зрелых мужчин вы бросили в бой восемнадцатилетних пацанов, многие из которых еще не держали оружия в руках. Увидев, что взять Грозный невозможно не только одним парашютно-десантным полком, как об этом заявлял «лучший министр обороны», но и большим числом неподготовленных полков, вы и ваши подчиненные продолжали гнать туда необученных солдат, по сути — пушечное мясо, которых сегодня призывали, а завтра они уже были в бою.

Этим мясом, потом и кровью тушился пожар в Чечне. Но, как и все другое, эта авантюра также закончилась крахом. Армия по вашему приказу срочно бежала из Чечни, оставив там на уничтожение целый полк пленных и все русскоязычное население. Погибли десятки тысяч невинных жителей и тысячи военнослужащих, а тысячи на всю жизнь остались калеками. Они безропотно выполняли ваш приказ, надеясь, в свою очередь, на вашу заботу».

Сейчас Ельцина не ругают только ленивый, а тогда это бы-

ли первые публичные слова действующего военного чиновника высокого ранга, которые нас потрясли. Судя по всему, генерал предвидел некоторую растерянность, которую могут вызвать его откровения у офицерского корпуса, привыкшего не рассуждать, а подчиняться и выполнять задачи. Тут же каждый для себя должен был принять решение – как жить дальше и что делать? Поэтому Обращение адресовалось и к нам – военнослужащим. Вот что он нам не то советовал, не то напрямую подавал команду:

«Вам необходимо сплотиться. Для этого надо в каждой части провести офицерские собрания, на которых выработать законные требования и направить их президенту, Правительству и Федеральному Собранию РФ, в Верховный и Конституционный суды.

Руководство страны должно почувствовать ваше единство и понять, что вы, в отличие от него, не нарушали ни Конституции, ни законов, ни своих обязанностей и озабочены только сохранением армии, безопасностью и благополучием Родины. Но продолжающееся молчаливое игнорирование ваших законных прав, необъяснимое разрушение армии, военной науки и оборонной промышленности ставит вас в крайне тяжелое положение.

В этих условиях организуйте, выдвигайте лидеров на должности председателей офицерских собраний, требуйте выполнения своих законных прав. Не надейтесь, что кто-то вместо вас это сделает. В нашем единстве на пути проти-

востояния разрушению армии – залог успеха. Иначе армия погибнет».

Полностью с этим историческим Обращением вы, уважаемые читатели, можете ознакомиться в Приложении к книге. Но чтобы понять всю взрывоопасность этого текста, потребуется мысленно вернуться в то время, когда мирное население страны и мы, военные, испытывали острое чувство безысходности и подавленности. Идет никому не нужная война в Чечне, молодежь чуть ли не с призывного пункта направляют в кровавую мясорубку, города и деревни воют от горя по убитым детям. Офицеры по 4 – 5 месяцев без зарплаты ищут любой способ накормить семьи: кто разгружает вагоны, кто «таксует», кто, как сказал в Обращении генерал, охраняет проституток. А кто стреляется. Ельцин и министр обороны Грачев самодовольно врут с телеэкранов об успехах в разгроме кавказских бандформирований. От всего этого хочется закрыть глаза – и в омут. И вдруг тебя останавливают на краю обрыва и говорят: не спеши сводить счеты с жизнью, ты же мужчина, офицер, лучше разберись с теми, кто довел тебя до такого состояния...

Не все, но я это Обращение услышал и уже через неделю оказался лицом к лицу с Рохлиным. Получил поручение подготовить пресс-конференцию к его возвращению из командировки, с задачей успешно справился и еще через неделю уже летал с ним на арендованном у «оборонки» Як-40 по городам России. За день мы посещали по два, а то и по

три региона страны. На пресс-конференциях, в основном посвященных ситуации в стране и постановке задач на сопротивление режиму Ельцина, народ задавал разные вопросы, интересовались в том числе и биографией генерала. В Йошкар-Оле один ветеран прямо спросил Льва Яковлевича: «А сам-то ты из каких будешь?». Рохлин вроде бы даже хотел все свести к шутке, ведь он-то все время говорил о Ельцине да о чиновниках, а тут какой-то местный дед Щукарь пытается увести разговор в сторону. Но зал смотрел на генерала с интересом и требовал деталей. Пришлось говорить...

Арал – страна изгоев

На той пресс-конференции в Йошкар-Оле, о которой я упомянул, он достаточно сдержанно поведал, что родился в Аральске 6 июня 1947 года, что мать звали Ксенией, в девичестве Гончарова, что были еще старшие брат и сестра. Отца не помнит. Потом Ташкентское училище, служба...

Стоп, стоп! Это в спешке авиагонки по стране в целях создания ДПА Рохлин не мог себе позволить говорить с народом «о второстепенном». Но мы-то хотим и имеем возможность спокойно разобраться и в его биографии, и в домыслах досужих журналистов. Причем и в том, кто же был его отец. Тема национальности генерала не давала покоя «озабоченным»: псевдопатриоты видели в генерале «проект Сиона»; агенты Кремля на этой теме хотели вбить свой клин в монолит интернационального и надпартийного Движения в поддержку армии; израильские политологи пели осанну генералу, относя его военный талант исключительно к характерным качествам своей нации. А на встрече с журналистами в Астрахани один из молодых, но рьяных писак, провоцируя скандал, вызываяще сказал Льву Яковлевичу:

– Октябрьский переворот в 1917 году совершили евреи. Чем это закончилось, мы все знаем. Неужели вы думаете, что за вами пойдут массы?

Я вел эту пресс-конференцию и хотел было одернуть об-

наглевшего борзописца, но Рохлин только глянул в мою сторону, и я тут же осекся. Не скрою, мелькнула мысль, что генерал сейчас сгребет сосунка в огромную лапу и задаст ему хорошую трепку. Но услышал удивительно спокойный голос моего старшего товарища:

– Если вы так ставите вопрос, то я вам скажу, кем сам себя считаю. Конечно, русским. Может быть, даже больше русским, чем есть вы. Моя мать Ксения, до замужества Гончарова, – женщина простая, бесхитростная, но очень культурная, самостоятельно получившая хорошее образование. Она много читала – и мировую, и русскую классику. А ведь поднимала нас одна, без мужа. Днем работала, вечером готовила и стирала, а ночью я слышал шелест страниц. Может быть, это давало ей возможность забыться, найти отдушину в череде беспросветных будней. И меня, и брата Владислава, и сестру Ксению воспитала настоящими русскими патриотами. А военное училище, бойня в Афганистане и Чечне, все эти конфликты на Кавказе, где мне пришлось гасить огонь междоусобиц, и вовсе заставили меня забыть о таком понятии, как национальность. Приходилось пользоваться другими категориями – хороший человек, плохой, наш или враг, смелый или трус, честный или лжец, выполнит боевую задачу или завалит дело. Теперь еще вот новые понятия появились – государственник или государственный преступник, готовый пустить завоевания поколений по ветру, все приватизировать, разграбить, присвоить себе...

Откровенно говоря, я не ожидал от Рохлина такой отповеди этому человечку. Командир, который поднимал солдат за собой в бой с помощью угроз и русского мата, способный на плацу в пух и прах разнести отстающий в учебе полк, ljubому начальнику сказать «шершавую» правду, тут оказался настоящим дипломатом. Ни взглядом, ни голосом он не дал понять, что бестактный мальчишка вторгся в тему, которая среди военных, прошедших ад боевых действий, не обсуждается и считается верхом невоспитанности. Ведь люди плечом к плечу идут в бой, делят последнюю горсть патронов, друг другу дают адреса, куда следует написать в случае гибели одного из них. Что такое в этом случае чужая кровь, если в медсанбатах и госпиталях она давно перемешалась в одну группу, которая называется – Солдатская! Все – побратимы!

А про отца Рохлин избегал говорить по другой причине. Бесспорно, он кое-что знал о трудной его судьбе, но явно не все. Хотя еще в юности понял, что некоторые страницы семейной биографии афишировать по известным причинам не стоит.

Согласно исследованиям, которые проводились уже после трагической гибели генерала, его отец, Яков Львович Рохлин, родился в 1920 году в Киеве, учился в Киевском университете на лингвиста, был арестован по обвинению в антисоветской пропаганде и, отсидев три года в тюрьме, сослан в Аральск. Работал там учителем, женился на местной уроженке Ксении Гончаровой. У них родилось двое детей, сын

и дочь. В 1942 году Яков Львович был призван в армию, воевал рядовым красноармейцем и в 1943 году попал к фашистам в плен. Выжил только потому, что назвался татаринoм Якубом Рахматуллинoм. После освобождения в 1946 году вернулся домой. Его не приняли на прежнюю работу в школе, и он подался в рыбацкую артель. В 1947 году родился второй сын, названный в честь деда – Лев. Однако пожить мирной жизнью Якову не пришлось. Над ним снова стали сгущаться тучи. Осознав близкий арест, из семьи ушел, а вскоре его осудили. С 1948 года он, по словам свидетелей, отбывал наказание на урановых рудниках в поселке Майлису, потом его следы теряются за колючей проволокой Гулага.

Судя по всему, мать вначале скрывала от детей пленение отца и последующую за ним отсидку в советских лагерях. Когда же они узнали об этом, были уже взрослыми, оба брата служили в армии. Что-то менять в документах не имело смысла. Впрочем, это было и небезопасно – в то время за сокрытие таких фактов можно было расстаться и с партбилетом. Естественно, уже это заставляло Льва, его брата и сестру хранить семейную тайну, а в официальных документах в графе «Были ли родственники в плену, под судом и следствием?» «чистосердечно» писать: «Нет». Поэтому в личном деле генерала была подшита собственноручно написанная автобиография, в которой он, будучи уже полковником, сообщал: «Отец бросил семью в 1948 году, когда мне было 8 месяцев. Семья жила бедно на 60 рублей материнской зар-

платы и алименты от отца, от которых он часто уклонялся. Особенно в такие периоды в адрес отца звучали проклятия и плач матери, которая считала его виновником нашей тяжелой жизни, того, что мы жили в бедности». Судя по этим строкам, Рохлин еще не знал всех подробностей жизни отца после ухода того из семьи.

Позже на вопрос, вспоминает ли он место, где прошло его детство, Лев Яковлевич ответил:

– Арал – страна изгоев и высохшего моря. Конечно, вспоминаю. Там много было вышедших на свободу репрессированных по политическим мотивам. Людям некуда было ехать, и они оставались жить недалеко от собственных лагерей. В нашей школе бывшие ээки работали учителями. Образованные, грамотные, они давали нам глубокие знания даже по столичным меркам. Оттого одноклассники, если не садились по семейной традиции в тюрьму, то, как правило, легко поступали в вузы.

Детство выпало тяжелое, на выживание. Это сейчас охота и рыбалка – хобби, а тогда только за счет этого и выживали. Добыча пропитания в самом буквальном смысле этого слова спасла меня от многих пагубных привычек. Я до сих пор не курю, а что такое вкус вина, узнал лишь будучи офицером. Тогда не было времени шататься по поселку. Каждый день мешок килограммов пятьдесят с сетями на спину – и вперед, километров на десять – пятнадцать.

Подобная суровая жизнь закалила Льва не только духов-

но, но и физически. В классе седьмом будущему генералу предложили отстаивать честь школы в соревнованиях по бегу.

– Преподаватель по физкультуре говорит: «Ты давай, тренируйся сам!». А я разве знаю, как это делать? Ну, прочитал книжку про австралийского бегуна без руки и начал тренироваться: приходил на берег моря, а это, замечу, сплошные обрывы и волны, и бегал там до изнурения. Именно благодаря спорту я и «вышел в свет» – поехал на соревнования в областной город Кзыл-Орда. Там впервые увидел пятиэтажные дома, стадион, траву. Помню, лежу на траве и все не верю. Трава!!! Настоящая трава, которую я в своей жизни раньше не видел.

Подошло время выбирать вуз. Арал, хоть и стремительно мелел, оставляя пристани и доки в песках пустыни, но всегда считался приморским городом. Оттого многие мальчишки, проведя детство под шум набегающей волны, став юношами, стремились в учебные заведения, готовящие специалистов для морского транспорта. Не стал исключением и Рохлин. Окончив десятилетку, поехал с друзьями в Чарджоу осваивать секреты кораблевождения.

– Когда уже начались экзамены, – вспоминал Лев Яковлевич, – я умудрился повздорить с одним из абитуриентов, который свою физическую слабость компенсировал силой «мохнатой лапы». Словом, меня отчислили. Первое, о чем подумал, это как отреагирует на такой «фокус» мама...

О матери Лев Яковлевич говорил с любовью:

– Я в жизни испытывал много тяжелого, порой такого, что и выдержать было уже невозможно. В эти моменты всегда призывал на помощь мать, как Божество: «Мама, милая, помоги мне! Ну, помоги!». И, знаете, становилось легче. Она воспитывала меня с любовью, но в строгости. Если провинился, то бегала за мной с палкой в руках вокруг стола, а когда не догоняла, садилась и начинала плакать. Видеть ее слезы было смертельно. Может, поэтому я и поступил в училище. Если бы не поступил, то домой не вернулся бы: перед матерью было стыдно.

Возвращался домой через Ташкент, в котором было два военных училища – танковое и высшее общевойсковое командное. В танкисты я не подходил по росту, а для пехоты, посчитал, в самый раз. И хотя в ВОКУ экзамены к тому времени закончились, меня приняли по сумме баллов школьного диплома. Я к тому же еще спортсменом был, хорошо бегал. Когда надел форму, сообщил маме. Она была просто счастлива – оба сына будут офицерами!

Сестра Льва Рохлина Лидия Зорина о детских и юношеских годах брата говорила так:

– Лев рос упорным мальчишкой и во всем хотел верховодить, быть первым. Много занимался спортом, в основном бегал. Тренировался на берегу Арала. Ноги увязали в песке, а он, несмотря на такие условия, чуть ли не каждый день наматывал километры. И в военном училище это ему пригоди-

лось. Наша мама очень была рада за сыновей. Одеты, обуты, накормлены и профессия по тем временам очень престижная. Офицер! Раньше это звучало гордо. Братья всегда этому высокому статусу соответствовали.

Карьерист

В армии бытует поговорка, что сын полковника не может стать генералом. Почему? Потому, что у генерала есть свои сыновья. Родилась она не от простого зубоскальства, а от многократного подтверждения суровыми реалиями жизни. Если анализировать генеалогическую рощу советского и российского генералитета, то вся правда быстро всплывает наружу. Их сыновья без труда поступали в военные училища, удачно распределялись в группы советских войск за рубежом или ехали «отметиться» в Забайкалье. Потом их ждал накатанный путь: военная академия, должность командира полка, звания, как только подходил срок, удачливый отпрыск военачальника направлялся на учебу в очередную академию – Генерального штаба. И вот на погоны ложится большая звезда. Такая, как у папы...

У ребят «из народа» нередко военная биография складывалась иначе. Непрестижное училище, дальние гарнизоны, звания с задержкой. Бывает, судьба за время службы так и не повернется к тебе лицом. Не успеешь оглянуться, а ты уже «неперспективный», в сорок лет еще капитан. Впереди пенсия. Позади – впустую растраченные годы. Потерянное здоровье. Убитые нервы.

Конечно, между первыми и вторыми всегда были и другие офицеры. Сами, как говорится, от сохи, но с неумным же-

ланием учиться, проявлять командирские качества, вопреки трудностям и неудачам идти напролом к своей цели. Они, не обращая внимания на неустроенный быт, забывая об интересах семьи, не заикливаясь на несправедливых придирах начальников, зубами вгрызаются в службу, и ничего их не может сломать. Из всех передраг выходят сильнее, умнее, расчетливей. Служить с такими трудно, но весело, интересно; кажется, будто именно тут решается самое главное дело страны. Вот Рохлин как раз из этой породы.

Когда генерал создавал Движение «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки», он часто опирался на своих однокашников по военному училищу или военным академиям. Один из таких, Сергей Папанов, уволившись из армии подполковником, рассказывал мне о курсанте Рохлине следующее:

– Я не мог представить, что он так далеко пойдет. В училище Лева был, как все. Единственное, чем отличался, это выносливостью и силой воли. Кросс, марш-бросок с полной выкладкой – Рохлин всегда впереди, задает темп, подтягивает отстающих. Словом, все четыре года был чемпионом, отличником. Ташкентское ВОКУ закончил с золотой медалью и для дальнейшего прохождения службы был направлен в Группу советских войск в Германии. Когда разъезжались, помню, один наш новоиспеченный лейтенант сказал о нем: «Ишь, тихой сапой вышел в отличники и тью-тью за границу. Карьерист...». Какой он карьерист? Получил все, что реаль-

но заслужил.

Как мы знаем, у «карьериста» толкача с «мохнатой лапой» не было, рассчитывать он мог только на себя. В ГСВГ в 1970 году лейтенант Рохлин ехал не за «ощущениями» заграничной жизни, не за тем, чтобы попить бургерского пивка, а с одной целью – пахать. Для него, в отличие от многих, любой другой город после пыльного и грязного Аральска, утопающего в песках наступающей пустыни, казался санаторием. Что в Советском Союзе, что в Германии. А расположение части, оно ведь везде одинаково: казармы, парк боевой техники, плац, столовая, солдаты. Да еще полигон, где и проходила его жизнь.

Мы уже говорили, что Рохлин был человеком заинтересованным, азартным, увлекающимся. И, что самое главное, умел увлекать других. С ним рядом все заводились и начинали, поглядывая на командира, бегать сами, суетиться, добиваться коллективных целей, переживать за общий успех. Его взвод очень быстро стал образцовым, на учениях показывал отличную слаженность действий, метко стрелял, мастерски водил боевые машины. Словом, работал с максимальной отдачей.

К сожалению, очень часто бывает так, что какой-то коллектив на учениях действует отменно, а в расположении подразделения расслабляется. Дисциплина хромает, «старики» «ездят» на молодых, офицеры пораньше стремятся сбежать со службы. Того и гляди, жди крупного ЧП. Такое случает-

ся сплошь и рядом, но только не у Рохлина. Лев прибегал в казарму ни свет ни заря, чтобы проверить службу дневальных, проследить за подъемом и лично провести физзарядку. Весь день занятия, потом подготовка, к примеру, к караулу, а дальше вместе с личным составом сутки в наряде. Утром он опять раньше всех в казарме. Оттого и дисциплина во взводе была крепкая. Когда командир все время рядом – не побалуешь.

Вот эти самые качества лидера, максимальную самоотдачу, желание добиваться самых высоких результатов быстро заметили. И когда через два года в полку появилась вакансия командира роты, ее занял именно Рохлин. Мало того, старшего лейтенанта за стабильные показатели личного состава в боевой учебе наградили орденом Красная Звезда, а когда подошел срок замены, офицера направили на учебу в Военную академию им. М.В. Фрунзе. Вот это уже был качественный скачок в его военной карьере.

Невольно задаешься вопросом, почему судьба так благоволила именно Рохлину, как говорится, человеку без рода и племени, когда рядом служили генеральские отпрыски, которых он в первые пять лет оставил далеко позади себя? Сам Лев Яковлевич говорил так:

– Каждый офицер хочет быть уверен, что подчиненные выполнят любую задачу. От этого зависит его личная карьера в службе, благополучие, расположение к нему старших воинских начальников. А коль так, то он должен опираться не

на людей с хорошей родословной, а на тех, кто работает и гарантированно исполняет приказы. Не от случая к случаю, как повезет, как звезды там на небе расположатся, а все время. Поэтому таких командиров и повышают. Я и сам назначал знающих, думающих и смелых офицеров на должности, которые были намного выше их званий. Особенно в боевой обстановке, в Афганистане и в Чечне. Ведь не случайно бытует присказка: «Кадры решают все».

Москва и учеба в академии не испортили Рохлина. После окончания военного заведения, в 1977 году, капитан был направлен в Заполярье, в Алакуртти, командовать батальоном. И стиль его работы не изменился. Теперь не взводный, а комбат приходил в казарму задолго до подъема, а уходил за полночь. Боевая учеба оставалась для него главным приоритетом. Как жена выдержала постоянное отсутствие мужа, знает только она. Тамара Павловна, бывшая медсестра ташкентского военного госпиталя, все ждала, когда ее Лев насытится службой и станет чаще бывать в семье. Вместо этого он отправил ее к маме, а сам в 1982 году двинул в Афганистан командовать 860-м мотострелковым полком.

Вот что рассказывал по этому поводу сам Лев Рохлин:
– Маршал Советского Союза Соколов приказал подыскать на должность командира 860-го отдельного мотострелкового полка в Афганистане опытного командира полка. Я к тому времени командовал уже вторым полком, и общий стаж командования полками составлял два с половиной года. Но

у меня была сложная ситуация в выборе. Дело в том, что командир танкового полка Богданов, который со стороны наблюдал за моей службой, став командиром дивизии в Каменке, под Ленинградом, прикладывал все силы, чтобы я пришел к нему начальником штаба. А тут мне предлагают полк в Афганистане. Для карьериста, каким я тогда был, это был трудный выбор. В тридцать пять лет стать начальником штаба дивизии – большое дело. Но, с другой стороны, получить опыт войны – тоже немало. В конце концов я решил, что второй вариант будет для меня лучше. Да и как можно было отказать? Там война... Стыдно не быть там... Не по-мужски. Короче, нас было пять кандидатов... В разговоре с кадровиками я заявил, что, если меня назначат, я справлюсь. Наверное, сказал очень уверенно. И выбор пал на меня.

Наука воевать

Командир полка — должность для очень волевого человека. Он обязан думать комплексно и не бояться брать ответственность за свои действия. Ему ставится основная задача, а решение он вырабатывает самостоятельно, опираясь на конкретную обстановку, наличие сил и средств. Не справишься — будешь наказан. Справишься, но потеряешь много людей, можешь попасть в немилость. Проявишь инициативу, на которую сверху посмотрят косо, получишь нагоняй. Не проявишь, «затихаришься», скажут: трус или бездельник. Словом, комполка всегда на раскаленной сковороде. И особенно в условиях ведения боевых действий.

Полк, который принял Рохлин, в целом был на хорошем счету. Он дислоцировался под Файзабадом в отдалении от других частей соединения. Вокруг территория, контролируемая душманами. Они ночами беспрепятственно подбирались к расположению мотострелков и устраивали устрашающие акции. Открывали огонь, забрасывали гранатами выставленное охранение и быстро откатывались, зная, что советские преследовать не станут. Так продолжалось до тех пор, пока не появился новый командир.

Лев сразу понял, что без поддержки местного населения он постоянно будет в окружении врагов. Поэтому первым делом проехал по ближайшим населенным пунктам в поисках

доброжелательно настроенных афганцев. Таковых не оказалось, но разжиться за счет «шурави» каждый был не прочь. И когда Рохлин стал помогать налаживать мирную жизнь, людям это понравилось. Кому-то передали дизель-электростанцию, кому-то карандаши и бумагу для обучения детей, кому-то подбросили продуктов, лекарства. А нашлись и такие, кто попросил оружия для защиты населения. В благодарность полк постепенно стал получать информацию о готовящихся нападениях на блокпосты. На эти направления сажали подразделения, усиленные минометчиками и гранатометчиками, устраивали инженерные заграждения, подступы минировали. В итоге соваться непрошенных гостей быстро отучили.

Первые успехи дали о себе знать. Просоветски настроенные афганцы набрали силу и стали сами вести боевые действия с кочующими бандами душманов. Опыт Рохлина политотдел начал распространять в других местах, а о молодом командире заговорили как о грамотном и толковом офицере. Более того, вскоре за проведение нескольких серьезных боевых операций 860-й мотострелковый полк был награжден переходящим знаменем Военного совета Туркестанского военного округа, а сам командир удостоен ордена Красной Звезды. Второго в его военной биографии.

Почивать на лаврах довелось немного. В июле 1983-го с должности командира полка Рохлин со скандалом был снят. И кем? Непосредственно руководителем Оперативной груп-

пы Министерства обороны СССР в ДРА Маршалом Советского Союза С. Соколовым. За боевые потери при выполнении разведывательной операции и... за хамство!

Об этом случае знают многие участники войны в Афганистане, не раз писали журналисты, поэтому восстановить хронологию событий не составляет труда. Причем вольную интерпретацию развития боевых действий, которая встречается в прессе, мы имеем возможность скорректировать личными воспоминаниями Рохлина.

А суть в следующем. По приказу командующего 40-й армии генерал-лейтенанта В. Ермакова фронтовая авиация нанесла бомбово-ракетный удар по ущелью Коран-о-Муджан, где, по сведению разведки, находилась банда душманов. Маршал Соколов, как часто бывало, вмешался в управление войсками и передал распоряжение командиру 860-го мотострелкового полка проверить результаты работы авиации. А то, что воинская часть в этот момент выполняла и другие задачи, старший начальник в учет не брал. Словом, все по-военному – вынь да положь!

Рохлин пытался по рации выйти на командующего армией, чтобы объяснить – люди разбросаны, топлива для техники нет, вертолеты поддержки по погодным условиям сидят на аэродромах, в таких условиях соваться в ущелье нельзя... Но кто может отменить приказ самого маршала?

Оставив за себя заместителя, комполка собрал для выполнения операции сводный батальон, который по численности

далеко не дотягивал до штатной, слил все остатки имеющегося в части топлива в несколько боевых машин и с этим отрядом двинулся в ущелье. Уже в Коран-о-Муджане выяснилось, что авиация отбомбилась впустую. Рохлин сообщил эту информацию в штаб армии и развернул колонну в обратную сторону. На крутых склонах остатки дизтоплива скатились в заднюю часть баков, и боевые машины пехоты одна за другой начали глохнуть. В этот момент появились душманы и с фланга открыли плотный огонь.

Батальон отбивался как мог, пытаясь не только защитить себя, но и вытащить из-под огня боевые машины.

– Начальнику инженерной службы полка майору Зюзеву поставил задачу принять все меры для этого, – позже вспоминал Рохлин. – Говорю ему: «Выручай. Представлю к ордену Красного Знамени». А сам вижу – солдаты совсем растеряли боевой дух, прячутся в укрытия и сидят, как мыши. А я хожу и пинаю их ногами: «Вставайте, мать вашу, будете лежать, всех точно перестреляют!». В такой отчаянной ситуации я до этого никогда не был.

Бой шел несколько часов, и стало ясно – технику не спасти. Ее начали жечь из гранатометов, и проходы из ущелья закрылись. Рохлин, управляя боем, был ранен. С докладом, что машины обречены и надо выводить бойцов, к нему подполз майор Зюзов и тут же получил душманскую пулю в голову. Командир полка был в отчаянии, но самообладания не терял. Оценив безвыходность обстановки, принял тяжелое

решение – подорвать оставшиеся БМП и отходить. В этом бою подразделение потеряло 12 человек.

Когда Рохлин доложил о результатах рейда, прямо указав, что под давлением приказа повел в ущелье сводный батальон неполного штата, без должного материально-технического обеспечения, без прикрытия авиации и приданных подразделений, в штабе армии это не понравилось. За погибших и сожженные БМП ответственности никто брать на себя не хотел. Началось расследование. Командира полка от должности отстранили. Тогда еще временно. Пошла проверка за проверкой. Каждый пытался обвинить Рохлина в некомпетентности и верхоглядстве, грозили трибуналом. А тут прилетел и маршал. Вызвал Рохлина и тоже спрашивает:

– Как все получилось?

Доведенный до белого каления, Рохлин ответил:

– Как приказали, так и получилось!

В одной из телепрограмм «Совершенно секретно» прямо было сказано, что Рохлин после этой неудачной операции, в которой погибли его солдаты, хотел застрелиться. Его остановили в последний момент и о попытке суицида доложили Соколову. Маршал расценил поступок как проявление малодушия. В результате Рохлина с должности сняли. Направили заместителем командира 191-го отдельного мотострелкового полка в Газни.

Спустя полгода в этой части произошло ЧП. Командир полка, попав в окружение, бросил солдат и один спасся на

вертолете. Горе-командира отдали под суд, а через два месяца Рохлина вновь назначили командовать полком. Редчайший случай, но и командующий округом, и командующий армией, и даже маршал Соколов признали за Рохлиным право вернуть эту должность. Более того, подполковник Рохлин был награжден советским и афганским орденами Красного Знамени. Представлялся он и к званию Героя Советского Союза, но документы, как частенько случается с чрезмерно ретивыми офицерами, затерялись. Видимо, откровенный доклад о неудачах рейда в ущелье Коран-о-Муджан в штабах не забыли.

Позже, собирая материалы для публикации о генерале, сотрудник Комитета Госдумы по обороне и военный журналист Андрей Антипов найдет и опубликует письма военачальников, которые дали оценку командирским качествам Рохлина в период его пребывания на афганской земле.

Бывший командующий 40-й армией Герой Советского Союза генерал-полковник Борис Громов напишет: «Факт Вашего снятия с должности командира 860 омсп и последующее назначение командиром 191 омсп, как ни странно, скорее говорят в вашу пользу, так как в то время ошибки руководством признавались редко и болезненно.

Дальнейшее назначение командиром полка в Газни, который находился на отдельном оперативном направлении, говорит о том, что министр обороны более тщательно разобрался в сложившейся тогда ситуации и признал свою ошибку.

ку, восстановив вас в должности. Для любого военного человека это истина, которую никто даже не собирается оспаривать...

Хочу подтвердить, что все люди, с которыми я встречался и которые знали вас, отзывались о вашей деятельности в Афганистане только положительно».

Генерал армии Валентин Варенников по этому же поводу написал следующее: «Мне приходится только сожалеть, что некоторые газеты опираются в оценке военачальников на лиц, которые совершенно не имеют никакого представления о боевых действиях в Афганистане... Я могу только подтвердить ваши незаурядные способности как командира полка... 860-й отдельный мотострелковый полк – это особый полк, и не каждый мог им командовать. Он стоял на отдельном операционном направлении, и вы со своими задачами справлялись успешно. Необоснованные выводы, сделанные министром обороны СССР Д. Устиновым, вскоре были опровергнуты, как ошибочные.

И вы были назначены на отдельный 191-й полк...»

Дембельский аккорд

Вновь он командир полка, и вновь часть активно участвует в боевых действиях. О Рохлине и о его подчиненных по группировке войск идет слава – в неприступном Пандшере они окружили и уничтожили практически все руководство армии Ахмад Шаха Масуда. Разведка донесла: душманы перестали делать ошибки в произношении фамилии советского подполковника и объявили награду за его голову. До замены и отправки Рохлина в Союз остался месяц, и командование 40-й армии, чтобы оставить его в Туркестанском военном округе, сделало офицеру заманчивое предложение – идти заместителем командира дивизии в Кызыл-Арват. Лев не стал долго думать, согласился. Резон был – должность хорошая, открывающая новые перспективы. Все-таки он был карьеристом...

По неписаной традиции за месяц до замены офицеры, а зачастую и солдаты не участвовали в боевых операциях – передавали опыт молодым. Но война есть война. При подготовке Ургунской операции оказалось, что все командиры полков, кроме Рохлина, недавно прибыли и не имеют опыта боевых действий. Руководство попросило подполковника (не приказало, а именно попросило) повести людей на направление главного удара самому. Лев отказаться не мог. Ознакомившись с планом операции, он тут же увидел серьезные

просчеты.

— Элемент внезапности отсутствовал, — позже рассказывал Рохлин. — Наши силы дробились на части, что их значительно ослабляло. Я предложил дать мне возможность пойти вперед, создав мощный передовой отряд. Операцию целесообразно было начать ночью, а не днем, как намечалось, и пройти по дороге как можно дальше. А с рассветом уйти на бездорожье. Причем двигаться при поддержке вертолетов. А два Ми-24 пустить впереди войск с задачей заблаговременного подавления противника.

Командование согласилось с планом, предложенным Рохлиным. В результате войска вышли к Ургунскому ущелью без потерь. Душманы не ожидали такого стремительного броска и не успели ничего предпринять.

Неожиданно авиационная разведка доложила о сосредоточении сил в соседнем ущелье, и Рохлин, согласовав свои действия с руководством операции, повел полк туда, где и натолкнулся на ожесточенное сопротивление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.